

ДИСКУСИЙНЫЙ КЛУБ

С. Ю. Солодовников,

доктор экономических наук,

Белорусский национальный технический университет, г. Минск

ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ: КАТЕГОРИАЛЬНАЯ И РЕАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИИ

Взаимообусловленность таких феноменов, как цивилизация, культура, экономическая система и институциональные матрицы, даже на первый взгляд очевидна и в современной науке не подвергается сомнению. Вместе с тем при более детальном рассмотрении этих социальных явлений, при попытках раскрыть их системную роль, механизмы взаимодействия и закономерности совместного функционирования наблюдается полное отсутствие единства не только среди представителей различных общественных наук (что можно было бы списать на различия в предметах этих дисциплин), но и среди политэкономов и экономистов различных школ и направлений, вплоть до требований вообще отказаться от исследования институциональных (социальных) факторов в рамках экономической теории (предлагается ограничиваться изучением лишь материально-вещественных и финансовых факторов). Поэтому, для того, чтобы выяснить социально-экономическую сущность институциональных матриц, необходимо раскрыть основные принципы категориальной субординации и реального взаимодействия цивилизации, культуры, экономической системы общества и названных матриц. При этом, учитывая то, что всесторонне охватить любой из названных феноменов в рамках одной работы невозможно, автор оставляет за собой право ограничивать глубину своего исследования своим видением его теоретико-методологических целей, логикой исследования и самого изложения.

Не претендуя ни на универсальность нижеприводимых дефиниций, ни на полный охват литературных источников, имеющих касательство к заявленной теме (что вряд ли возможно физически), автор не менее надеется, что предлагаемый им подход способствует выработке единой методологической базы (опирающиеся на научные достижения XX – XXI вв.), позволяющей системно исследовать в политической экономии такие явления, как культура и цивилизация.

Термин «цивилизация» начал использоваться в произведениях западно-европейских философов (Тюрго, 1752 г.; Мирабо, 1757 г.; Фергюсон, 1759 г.) [1, с. 85; 2, с. 85; 3, с. 3] со второй половины XVIII в. (Тюрго, 1752 г.; Мирабо, 1757 г.; Фергюсон, 1759 г.) и первоначально имел значение, подразумевающее «...культурное состояние общества, противопостав-

ляемое варварству» [3, с. 3]. В настоящее время можно разграничить не менее пяти основных значимых категорий «цивилизация»:

во-первых, когда понятие цивилизации отождествляется с понятием культуры. Так, первый том французского коллективного труда «Французская предьстория», который посвящен первобытному обществу, называется «Палеолитические и мезолитические цивилизации Франции», аналогично использует понятие «цивилизация» М. Габори в работе «Цивилизации среднего палеолита между Альпами и Уралом» [4] и т.д. При таком подходе происходит отождествление «цивилизаций» с первобытными археологическими культурами, что лишает термин «цивилизация» какой-либо самостоятельности» [3, с. 4] Одна из причин такого отождествления то, что «в отличие от немецкого и русского языков во французском – понятия «цивилизация» и «культура» жестко не разведены» [5, с. 919];

во-вторых, когда понятием цивилизации, вслед за Л. Морганом [6, с. 9-29], определяют наивысшую стадию развития общества, следующую, за первобытными стадиями дикости и варварства. Гносеологическим недостатком этого подхода, исторически правомерного, является то, что он не позволяет раскрыть причины, «...по которым высшая стадия общественного развития реализовалась именно в феномене городской культуры» [3, с. 4], с которой термин «цивилизация» связан этимологически: лат. *civis* «гражданин», *civitas* (синоним *urbs*) [7, с. 259] «город» и т.д.;

во-третьих, когда понятием «цивилизация» обозначают «одно из разнокачественных состояний общества в его изменении в реальном историческом времени» [5, с. 919]. Названный подход представляется нам излишне широким, который не позволяет четко раскрыть специфику категории цивилизация;

во-четвертых, когда термином цивилизация обозначают «совокупность организационных средств (программ деятельности), посредством которых люди стремятся достичь тех общественных целей, которые заданы существующими универсалиями культуры и фундаментальными символами последней. В риториках и полемиках публицистическо-пропагандистского уровня слово «цивилизация» обычно исполняет роль позитивного компонента конфликтной диады «Свои» – «Чужие» («Мы» –

«Они»)» [5, с. 919]. При названном подходе введение категории цивилизация, с научной точки зрения, излишне, поскольку вполне может быть заменено иным, более корректными (применительно к названной смысловой нагрузке) терминами;

в-пятых, когда цивилизация определяется как предметная форма структуры общества разделенного труда, материализованная из социально-интегративных интересов в форме города [3, с. 4–5]. Автор согласен с Н.В. Клягиным, что «социально-интегративный заряд материальной цивилизации городского типа оказал радикальное воздействие и на духовную сферу, что позволяет дать целостный анализ различных сторон жизни цивилизованного общества. При указанном понимании термина «цивилизация» удастся показать исторически закономерный ход возникновения цивилизованного общества как очередного этапа социальной интеграции» [3, с. 5]. То, что при таком подходе «зарождение начал урбанистической культуры и, следовательно, генезис цивилизации, – в понимании Н.В. Клягина, – коррелирует с неолитической технологической революцией. Поэтому история развития технологии приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации» [3, с. 5], позволяет нам считать его сегодня наиболее приемлемым для политэкономического исследования проблем возникновения и последующего развития общественного разделения труда. Позитивным является и то, что такой подход позволяет обосновывать «...предположительную причинно-следственную зависимость между демографическим состоянием общества и степенью сложности практикуемой им технологии, что позволяет объяснить корреляцию основных демографических и технологических революций в человеческой истории» [3, с. 5]. При этом под технологией Н.В. Клягин понимает «набор стереотипных приемов производства, воспроизведение которого гарантирует получение стандартного конечного продукта» [3, с. 5 – 6].

Очевидно, что понятие цивилизации неразрывно связано с понятием культуры. Под культурой, вслед за В.С. Степиным, нами будет в дальнейшем пониматься, «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены разнообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и динамики они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует (передает от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни

общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, присущей ему природной среде..., его социальных связей и типов личности-всего, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития» [8, с. 524]. Оставаясь в рамках приведенного определения и практически конкретизируя его, Н.В. Клягин предлагает понимать под «культурой» общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных» [3, с. 6].

Такое понимание культуры позволяет связать ее напрямую с экономической системой общества. Исходя из задач нашего исследования, правомерно рассматривать цивилизацию как предметную форму структуры общества разделенного труда, материализованную в форме города, как очередного этапа социальной интеграции, возникновение которой коррелируется с началом урбанистической культуры и с неолитической технологической революцией, поэтому история развития технологии и разделения труда приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации. Культура представляет собой систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях и представляющих собой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных. Экономическая система общества – это культурный феномен, представляющий из себя единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни. Основу функционирования экономической системы составляют трудовые отношения, основанные на общественном разделении труда.

Соответственно, одновременного с возникновением цивилизации, культуры, экономической системы общества и политики, возникают и развиваются в тесной взаимосвязи с ними и институциональные матрицы.

В настоящее время при исследовании институциональных матриц гносеологически перспективным представляется методологический подход, опирающийся на три исходных теоретических постулата. «Во-первых, она (гипотеза об институциональ-

ных матрицах – С.С.) разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, используется понятие базового института, представляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого. В-третьих, признается тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию» [9, с. 26 – 27]. Такой подход, допустимый при социологическом исследовании, не достаточен в рамках современной политэкономии.

Следует так же подчеркнуть, что разграничение и обособление объективистской и субъективистской социальных парадигм обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. «С одной стороны, такое разделение позиций отражает реальное устройство общества, в котором представлены как системные, образующие его устойчивые структуры, так и деятельность социальных субъектов, взаимодействующих между собой в рамках таких структур. С другой стороны, проявление двух названных позиций базируется на особенностях познающих общество субъектов, т.е. ученых, склонных больше либо к восприятию неизменной, структурной, либо постоянно меняющейся, деятельностной стороны человеческой истории» [9, с. 35]. Эти особенности научного мышления были раскрыты в трудах А. Маслоу, отмечал преобладание у ученых склонности либо к аналитическому, либо к синтетическому способу построения концепций [10, с. 67–72]. «В соответствии с этим А. Маслоу выделял и два направления в научном труде, на одном полюсе которого преобладает изучение реального, живого, человеческого, а на другом идеального, «бесчеловечного» (общечеловеческого – С.С.), скрытого» [9, с. 35]. Следует отметить, что если с точки зрения анализа социальных явлений протекающих в относительно обособленных социальных системах (исследуемых прежде всего в рамках микросоциологии) такое противопоставление правомерно, то при политэкономическом анализе оно неизбежно будет приводить в научных трудах либо к фактическому игнорированию наличия в обществе людей (субъектов) – при последовательно объективистском подходе, либо к отказу от рассмотрения объективных связей и отношений, идеализации и индивидуализации общественных структур.

По нашему мнению, для создания целостной социальной парадигмы, описывающей закономерности развития экономической системы общества (исходя из методологических требований, предъявляемых современной политической экономией) необходимо по новому сформулировать гипотезу об

институциональных матрицах. Во-первых, эта гипотеза разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, при этом используется субъективный (но не субъективистский) подход рассматривающий все социально-экономические отношения в обществе через их персонализацию, т.е. в неразрывной связи с социально-экономическими субъектами, разной степени интегрированности. В-третьих, используется понятие базового института, представляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных и социально-экономических связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого. В-четвертых, признается тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию. В-пятых, признается тезис единства общественно-экономической формации, которая «представляет собой пространственно и социально отграниченную целостную материально-общественную систему, функциональное назначение которой состоит в обеспечении совместной жизни людей в единстве всех ее сторон» [11, с. 6] и включает в себя сферы: материальное производство, производство человека, социальное производство и духовное производство.

Следует отметить, что в настоящее время, в обществоведении и, в частности в социологии, «...несмотря на попытки построения социологами интегративного подхода, объединяющего объективистскую и субъективистскую парадигмы, каждая из них существует и развивается относительно самостоятельно, опираясь на свойственную ей методологическую позицию принципиальной устойчивости или изменчивости общества, а также соответствующую систему понятий, – справедливо отмечает С.Г. Кирдина, – Постепенно преодолеваемое противостояние между социологами, работающими в рамках объективистской и субъективистской парадигм, не снимает, тем не менее, противоречивости их выводов, получаемых при изучении одних и тех же социальных ситуаций... Поэтому зачастую исследователи обосновывают и прогнозируют прямо противоположные траектории развития и социальных изменений» [9, с. 37–38]. Похожая ситуация наблюдается и в современной экономической теории, когда представителя различных экономических специальностей и школ, на основании проводимого ими мониторинга национальных экономик зачастую получают прямо противоположные выводы. Преодолеть это возможно только, во-первых, путем усиления методологической (политэкономической) составляющей в исследованиях всех экономических специальностей и, во-вторых, в возвращении в экономическую теорию живого человека, со сложной систе-

мой мотиваций и социально-экономических интересов. В таком случае объектные и субъектные экономические отношения и структуры будут рассматриваться как взаимодополняющие.

Начиная со второй половины девяностых годов прошлого века в российском обществоведении началось осознание необходимости методологического прорыва в исследовании социальных явлений, связанного, прежде всего с преодолением относительной ограниченности объективистской и субъективистской социальных парадигм. Так С.Г. Кирдина следующим образом ставит этот вопрос: «Возможно ли методологически корректное разрешение этой дилеммы (ограниченности объективистской и субъективистской социальных парадигм – С.С.)? Существуют ли связи причинного характера между институциональной и социально-групповой структурами общества? Каковы пределы их влияния друг на друга? В каком соотношении находятся институциональная система и социально-групповая структура общества? И если допускается наличие связей причинного характера между ними, почему до сих пор не удается эти связи четко, на строгом понятийном уровне обозначить и проанализировать?» [9, с. 37–38]. В рамках белорусской экономической теории автор в свое время касался проблем, непосредственно соприкасающихся с заявленной С.Г. Кирдиной проблематикой, в частности при формулировании авторской концепции трансформации социально-классовой структуры общества Республики Беларусь и теоретико-методологическое обоснование государственной экономической политики по реализации этой концепции [12; 13; 14; 15; 16]. На сегодняшний день многие из уже имеющихся у нас методологических разработок, в частности разработанный понятийный аппарат, может быть эффективно применен при раскрытии методологических проблем персонификации институциональных матриц.

При дальнейшем рассмотрении институциональных матриц, исходя из специфики предмета политической экономии («политическая экономия – наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Политическая экономия исследует законы, управляющие развитием экономической системы, а также рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи» [5, с. 634]), основное внимание следует уделять изучению устойчивых, существующих как рамки для социально-экономического поведения, глубинных институциональных

структур, становление которых обусловлено материальными условиями возникновения и развития общества. При этом большое внимание необходимо также уделять персонификации институциональной матрицы, т.е. социально-экономическим и социальным субъектам. Это означает, что выработанная методология позволит ученым экономистам ответить на вопросы о том, могут ли социально-экономические субъекты воздействовать и как воздействуют на институциональную структуру, как, в свою очередь, институциональная структура формирует экономическую систему и социально-классовую структуру общества.

В представленной работе автор считает целесообразным использовать подход, сформулированный С.Г. Кирдиной для тех случаев, когда в научном исследовании институциональные структуры «...обладают приоритетом – онтологическим и методологическим – перед авторами. Исследование в этом случае направлено на изучение институциональной структуры, сложившейся исторически и определяющей социальные отношения и взаимодействия социальных групп как внешний по отношению к ним фактор. В отличие от теорий старого и нового позитивизма, теория институциональных матриц продолжает тем самым традиции материалистической диалектики в познании общества, точнее, исторического материализма, одной из центральных идей которого являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей» [9, с. 39 – 40]. При этом институты понимаются «...в их глубинном смысле, как системы определенных и неизбежных связей между членами общества, обусловленные внешними условиями выживания социума. Тем самым институты образуют своеобразный скелет общества, обеспечивающий его историческую устойчивость и воспроизводство как социальной целостности» [9, с. 40]. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в данном контексте изучение институциональных матриц при помощи исследования «необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей» не означает, что надо принимать во внимание человеческие мотивы, потребности и интересы. Однако названный тезис подчеркивает объективный (а не субъективный) характер субъектного социально-экономического поведения, что, как мы уже подчеркивали ранее, позволяет говорить об обусловленности субъектного поведения объективными и субъективными факторами. В вышеприведенной цитате С.Г. Кирдиной, таким образом, была допущена небольшая методологическая неточность, обусловленная тем, что у нее в работах отсутствует четкое разграничение понятий субъективное и субъектное. В рамках политэкономического исследования персонификации институциональных матриц на первое место выступают сущностные, неслучайные, регулярно

повторяющиеся (т.е. носящие прежде всего объективный характер) межсубъектные отношения, адекватно описываемые категорией социально-классовая структура общества. Не сущностные, случайные, эпизодические межсубъектные (т.е. синергетические) отношения в экономической теории учитываются лишь в той степени, в какой они могут повлиять на динамику социально-классовой структуры. Для описания этого процесса правомерно использовать категорию социально-классовая организация общества [5, с. 778].

В настоящее время многими русскоязычными авторами справедливо выделяются две крупные тенденции в рассмотрении институтов. Первая тенденция заключается в том, что институты становятся объектом все большего числа общественных наук. Вместе с тем, «...до середины XIX века институты изучались в основном правоведами и понимались как сугубо юридические установления. На рубеже XIX–XX веков институты были включены в предмет возникшей в западноевропейских странах социологии» [9, с. 41]. Э. Дюркгейм, например, рассматривал институты как определенные способы действий и суждений, существующие в обществе вне и независимо от отдельно взятого индивидуума [17, с. 20]. В двадцатых годах прошлого века социальные институты попадают в поле зрения ученых экономистов, что нашло свое выражение в формировании институционального направления в политэкономии (Т. Веблена, Дж. Коммонса, Дж. М. Кларка, У. Митчела, У. Гамильтона и др.), когда институты стали рассматриваться как образцы и нормы поведения [18, с. 89-154], привычки мышления [19, с. 104], оказывающие влияние на выбор стратегий экономического поведения, наряду с мотивацией рационального экономического выбора. Неинституциональное направление, активно заявившее о себе в четвертой четверти двадцатого века придало категории экономической (социально-экономической) институт более широкий смысл, предложив рассматривать институты как важнейшие факторы субъектных экономических взаимодействий. Так, согласно хрестоматийному определению Д. Норта, институты – это «правила игры» в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах – политике, социальной сфере или экономике [20, с. 16]. Современная западная социология придерживается аналогичных подходов, рассматривая институт как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности» [21, с. 117]. При этом их отличие от институциональной экономики заключается в акцентировании внимания на значении института для организации системы ролей и статусов, образующих социальную систему [9, с. 42]. В настоящее время институциональные исследования развиваются

также в экономической истории, культурологи, антропологии и т.д.

Вторая тенденция в изучении институтов, тесно связанная с первой – это дальнейшая разработка и углубление понятия «институт», что обусловлено расширением междисциплинарных подходов в институциональных исследованиях. «В изучении институтов все более очевидным становится, – отмечает С.Г. Кирдина, – движение вглубь, от тех феноменов, которые лежат на поверхности, к поиску лежащих за ними сущностей, к рассмотрению институтов как характеристик внутреннего устройства, предопределяющих закономерности развития общества и обеспечивающих его целостность» [9, с. 42]. Эта тенденция отражает общие закономерности современных обществоведческих исследований, которая заключается в усилении (и признании этого наиболее крупными учеными) эвристического значения междисциплинарных подходов и исследований. По сути дела, сегодня ни одно экономическое исследование, претендующее на постижение закономерностей развития экономической системы общества, международных социально-экономических отношений, национальных экономических моделей и т.д. не может претендовать на истинность, если наряду с макроэкономическими исследованиями (и иными чисто «экономическими» подходами) не использует последние достижения социальной истории, философии, социологии, политологии и т.д.

В последние двадцать лет социально-экономические и экономические институты начинают активно исследоваться российскими, украинскими и белорусскими экономистами. Первоначально категория института заимствуется ими напрямую из новой институциональной экономической теории и выступает одним из методологических средств изучения рыночных преобразований. Однако достаточно быстро возникает необходимость осмысления и уточнения институционального подхода применительно к анализу отечественных проблем. Успешным примером этому могут служить, в частности работы В.Л. Тамбовцева [23; 24]. В данной работе, на наш взгляд, нет необходимости подробно останавливаться на истории этого уточнения, хотя она, безусловно, являет собой иллюстрацию гносеологически интересных попыток (в ряде случаев достаточно успешных) последовательного теоретического осмысления целым рядом наук одного социального феномена, что потребовало от добросовестных исследователей применения междисциплинарных подходов, что способствовало существенному прогрессу обществоведческой методологии.

В качестве общего определения социального института нами будет использоваться удачная дефиниция, изложенная в книге «Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия» [5], где под названным институтом понимается «относительно устойчивая

форма организации социальной жизни, обеспечивающая устойчивость связей и отношений в рамках общества. Социальный институт следует отличать от конкретных организаций и социальных групп... Основные функции, которые выполняет социальный институт.: 1) создает возможность членам этого института удовлетворять свои потребности и интересы; 2) регулирует действия членов общества в рамках социальных отношений; 3) обеспечивает устойчивость общественной жизни; 4) обеспечивает интеграцию стремлений, действий и интересов индивидов; 5) осуществляет социальный контроль. Деятельность социального института определяется: 1) набором специфических социальных норм, регулирующих соответствующие типы поведения; 2) интеграцией его в социально-политическую, идеологическую, ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально-правовую основу деятельности; 3) наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предложений и осуществление социального контроля. Социальные институты могут быть охарактеризованы не только с точки зрения их формальной структуры, но и содержательно, с позиции анализа их деятельности. Социальный институт – это не только совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами, системой санкций и осуществляющих конкретную общественную функцию» [5, с. 786]. При этом в настоящее время установлено, что успешное функционирование социальных институтов связано с наличием в их рамках целостной системы стандартов поведения конкретных индивидов в типичных ситуациях. Эти стандарты поведения закрепляются в обычаях, традициях, правовых нормах и т.д. «В ходе практики возникают определенные виды социальной активности, причем правовые и социальные нормы, регулирующие эту деятельность, концентрируются в определенную легитимированную и санкционированную систему, обеспечивающую в дальнейшем этот вид социальной деятельности. Такой системой и служит социальный институт. В зависимости от сферы действия и их функций институты подразделяются на: а) реляционные – определяющие ролевую структуру общества в системе отношений; б) регулятивные, определяющие допустимые рамки независимых по отношению к нормам общества действий во имя личных целей и санкции, карающие за выход за эти рамки (сюда относятся все механизмы социального контроля); в) культурные, связанные с идеологией, религией, искусством и т.д.; г) интегративные, связанные с социальными ролями, ответственными за обеспечение интересов социальной общности как целого» [5, с. 786]. При этом развитие социальной системы может быть сведено к эволюции социальных институтов и субъектов их персонифицирующих. Исходя из такого подхода, на наш взгляд, следует согласиться с замечанием

С.Г. Кирдиной, что «С точки зрения объективистской парадигмы и системного подхода, при котором исследования направлены на выявление институциональной структуры, определяющей характер и направленность взаимодействия социальных групп, ... основная задача состоит в выявлении стабильной составляющей институтов. Поэтому теория институциональных матриц трактует институты – они названы базовыми – как глубинные, исторически устойчивые в постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ. Базовые институты представляют собой исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать и развиваться, сохраняя свою само достаточность и целостность в ходе исторической эволюции, независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов» [9, с. 47]. Названная трактовка социальных институтов соответствует подходу разработанному еще Т. Веблена, которым отмечал, что «сами институты – не только результат процесса отбора и приспособления, который формирует преобладающие ... духовные качества и способности; они в то же время представляют собой особые формы жизни и человеческих отношений, а потому являются, в свою очередь, важнейшими факторами отбора» [24, с. 188]. Основу любого социума составляют базовые институты, которые «...образуют остов, скелет общества» [9, с. 48] и «...задают наиболее общие характеристики социальных ситуаций, определяют направленность коллективных и индивидуальных человеческих действий» [9, с. 48], т.е. регулируют основные сферы общества и представляют собой «устойчивую структуру, «стягивающую» основные подсистемы общества в целостное образование, не позволяющую обществу распастись» [9, с. 60]. Эти институты возникают естественно-историческим образом и обладают значительной устойчивостью, в том числе и к изменениям внешней среды. В свою очередь «институциональная матрица – это форма общественной интеграции в основных сферах жизнедеятельности социума – экономике, политике и идеологии» [9, с. 60]. Для современных институциональных подходов в экономической теории характерно признание важности эндогенных факторов (в том числе и технико-технологического) для формирования институциональных структур и, соответственно, экономических систем общества. Вместе с тем, не смотря на то, что научная традиция рассмотрения материально-технической среды как важнейшего фактора, обуславливающего границы возможных трансформаций общества, восходит еще к К. Марксу и Ф. Энгельсу, в современной экономике нет четкого представления о механизмах этого ограничения. Здесь, на наш взгляд, следует отметить, что помимо собственно гносеологических сложностей, естественно возникающих при исследовании этого вопроса, так же возникают проблемы присут-

ствия в научном сообществе откровенно ангажированных «научных» работ посвященных безоговорочной апологетике западной экономической модели развития и быстрых («шоковых») путей «успешного» перехода к ней [25, с. 233-237]. Поскольку последние направлены на обслуживание (создание благоприятных условий) определенных монопольных социально-экономических интересов, а не на раскрытие сущности социально-экономических явлений, то в данном очерке они рассматриваться не будут.

На сегодняшний день следует признать перспективным подход к рассмотрению влияния технико-технологической структуры общества на институциональную через использование понятий коммунальной и некоммунальной материально-технологической среды. Впервые гипотеза об определяющем, решающем влиянии коммунальной и некоммунальной материально-технологической среды на тип институциональной структуры общества была высказана в 1996 г. [26, с. 22-24] и с тех пор был успешно развит в трудах С.Г. Кирдиной. В качестве одного из основных постулатов этой гипотезы выступает предположение, «... что коммунальная среда формирует соответствующие экономические институты и определяет не рыночный, а раздаточный характер хозяйственной системы, в то время как некоммунальная среда обуславливает становление институтов рынка, или обмена» [9, с. 80]. При этом С.Г. Кирдиной подчеркивается, что «... коммунальность (или некоммунальность) материальной среды является не столько внутренне ей присущим, сколько общественным свойством, т.е. проявляющимся в ходе взаимодействия общества с этой средой. Сами по себе природные условия или технологические комплексы не реализуют названных общественных свойств, они проявляют, выражают или приобретают их в процессе вовлечения в хозяйственный оборот и социальную жизнь... Коммунальность материально-технологической среды подразумевает ее целостность, неразрывность связей между элементами, ее представление как единого целого, состоящего под общим управлением. Изначально коммунальность производственной среды определяется хозяйственным ландшафтом - исторически первичным условием производства. Население начинает вовлекать его в хозяйственный оборот. Но среда сопротивляется усилиям одиночек, заставляя людей объединяться уже на стадии организации производственного процесса. Необходимость объединения задается, как правило, применяемой технологией, которая оказывается конкурентоспособной по сравнению с технологиями индивидуального производства. Так действует закон экономии трансакционных издержек, который, в конечном счете, определяет формирование соответствующих экономических, политических и идеологических институтов» [9, с. 80]. При этом, как справедливо отмечает

названный автор, коммунальная среда может функционировать только в форме чисто общественного блага, которое не может быть разделено на единицы потребления и продано (потреблено) по частям» [9, с. 80].

Некоммунальность материально-технологической среды «... означает технологическую разобщенность, возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования» [9, с. 80], т.е. некоммунальная среда «разложима на отдельные, не связанные между собой элементы, она обладает свойством дисперсности и может существовать как совокупность разрозненных, отдельных технологических объектов. В этом случае индивидуум или семья способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества, вовлекать части некоммунальной среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами. В этом случае главной функцией складывающихся институтов государства является обеспечение взаимодействия между обособленными хозяйствующими и социальными субъектами» [9, с. 80].

«Материально-технологическая и институциональная среда образуют, в конечном счете, – подчеркивает С.Г. Кирдина, – единую систему и положительно воздействуют друг на друга. Коммунальная среда, не поддающаяся расчленению, со временем приводит к относительному расширению роли государства, выражающего общий, коллективный интерес. Государство создает соответствующую систему управления во главе с Центром и определяет общие правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов. На каждом историческом этапе формируется соответствующая времени идеология, выражающая справедливость такого общественного порядка. В свою очередь, вновь создаваемые производственные объекты эволюционно воспроизводят коммунальные свойства и закрепляют на следующем историческом шаге вызванные ими институциональные особенности общественного устройства» [9, с. 81]. Данная модель развития способствует преимущественной реализации уравнительных (коммуноцентрических), трудовых (продукционных) и собственно социальных (системных) социально-экономических интересов и затрудняет максимизацию монопольного (частногруппового) потребления. «В странах с некоммунальной материально-технологической средой, – как отмечается в литературе, – напротив, постоянно возрастает роль частных собственников в общественной жизни, что выражается в развитии системы соответствующих экономических и политических институтов и создании адекватных идеологических систем» [9, с. 81]. Соответственно, в последних странах экономическая система общества будет, прежде

всего, детерминирована, эгональными социально-экономическими интересами. Для социально-классовой структуры этих обществ (в их чистом виде) будет характерна сильная имущественная, объемно-правовая и статусная дифференциация между социальными классами. Изменение этого (т.е. построение социально-ориентированной рыночной экономики), как рефлексии на нарастание социальных антагонизмов в обществе, в индустриально развитых странах Запада стало возможно, прежде всего, за счет эксплуатации других стран и народов.

Особенностью Евразийской социально-экономического пространства является наличие стран, в границах которых сосуществуют зоны некоммунальной и коммунальной материально-технологической среды (например: Беларусь, Украина). Такое положение дел вызывает дополнительные сложности при государственном конфигурировании (модернизации) экономических систем в этих обществах, является дополнительным фактором социальной напряженности. В этих условиях одной из главных задач социально-научного сообщества является помощь государству, всем здоровым силам общества в стремлении избежать трансформации объективно возникающих социально-институциональных и психологических противоречий в региональные антагонистические конфликты, ведущие к расколу общества и усилению неокOLONIALного влияния на эти государства стран золотого миллиарда.

В рамках постсоветского пространства политическая, духовная, социально-экономическая консолидация стран сегодня во многом затруднена не наличием объективного несовпадения у них некоторых экономических интересов (экономические интересы полностью не совпадают даже в семьях), а отсутствием у руководства Российской Федерации системной геополитической доктрины. На сегодняшний день, во многом под влиянием антироссийских санкций со стороны США и их сателлитов, такая доктрина формируется, но на ее окончательное становление могут уйти годы. Названная доктрина должна включать в себя: определение своих стратегических союзников; проведении дифференцированной политики по отношению к соседним государствам; политико-экономическую (а не монетарно-кудринскую) оценку эффективности решений по формам и механизмам социально-экономического взаимодействия, интеграции, а в ряде случаев и помощи странам-союзникам. Отсутствие такой стратегии, дополняемое государственным лоббированием российским руководством интересов некоторых олигархических групп, стремящихся максимизировать свою прибыль за счет экономик соседних стран, не только не отвечает национальным российским политико-экономическим интересам, но и ведет к формированию негативного образа России у населения стран, которые пытаются грабить некоторые российские олигархи.

Реальностью современного мирового экономического порядка стала глобализация производства, сопровождаемая становлением и бурным развитием транснациональных корпораций. Последние выходят из-под контроля национальных государств. Одновременно с развитием ТНК, возрастает борьба между последними как за передел уже существующих рынков, так и за захват новых (причем количество последних сегодня пространственно ограничено).

Создание надгосударственных экономических образований, стремящихся к переделу существующих и захвату новых рынков, не является изобретением нашего времени. Как показывает история, данный процесс всегда сопровождался усилением межгосударственных и иных антагонизмов, а также отсутствием ограничений в средствах и формах борьбы за экономическую (а, соответственно, политическую, духовную, военную и т.д.) гегемонию. Например: борьба греческих (византийских), армянских, мусульманских (арабских и иранских) и еврейских купцов за господство в международной торговле в VIII – X веках вылилось не только в попытки названных финансовых группировок устанавливать выгодные (прежде всего экономически) режимы в тех или иных странах и в усилении кровопролитных межгосударственных войн, не отвечающих интересам ни одной из воюющих стран (войны киевских князей с половцами в X – XI веках), но и в усилении идеологического противостояния как между этносами и государствами, так и внутри их (естественно, что в то время это принимало религиозную форму). В XIII веке купцы-рахдониты для установления своего господства над Великим шелковым путем, а также для того, чтобы пресечь локальные войны в зоне их торговых интересов и установить там режим «мира как отсутствие войны» финансируют оснащение монгольской армии и делают материально возможным победоносный поход орд Тэмуджина.

Однако современная эпоха добавила много нового в этот процесс. Прежде всего это то, что социально-экономические субъекты, стремящиеся к господству в планетарном масштабе или к доминированию в крупных регионах для оптимизации условий своей экспансии предпринимают значительные (в том числе и финансовые) усилия для уничтожения культурного, человеческого, административного и социального капитала в социально-экономических системах – объектах проникновения. При этом на государственном уровне могут использоваться следующие средства: экономические («свободная рыночная конкуренция» и т.д.); социально-этические; политические; военные и некоторые другие. Крупные иностранные предприятия, головные офисы которых находятся в регионах с некоммунальной материально-технологической средой и соответствующей ей культуре, открывая свои представительства

в странах с коммунальной материально-технологической средой, стремятся к навязыванию своих корпоративных «этических» норм, которые позволяют не только сформировать у части своих сотрудников стиль поведения чуждый местным традициям, но и накопить определенный «корпоративный» социальный капитал, который будет выступать как элемент дестабилизации национальной социально-экономической системы. Оговоримся, что хотя в условиях социально-экономической глобализации и возрастает возможность и вероятность влияния на национальную социально-экономическую систему и на экономическую эффективность социального капитала в обществе зарубежных социально-экономических субъектов, но главным в любом социуме по-прежнему остается сформировавшийся баланс интересов. Последние, как известно, могут носить трудовой, монопольный, уравнилельный и собственно-социальный (системный) характер. Все эти интересы присущи любому обществу, вопрос заключается в преобладании одних над другими и, соответственно, в трансформации, в зависимости от того какие из них в данный момент доминируют всей системы политических и экономических отношений.

Глобальный институциональный кризис капиталистической экономики, проявившийся через финансовый, экономический, сырьевой и прочие кризисы отрезвил многих ученых и политиков. В мировом сообществе силится понимание необходимости провести ревизию принципов функционирования современных экономических систем, в том числе и по новому взглянуть на роль социальных факторов в экономике. Было бы не правильно говорить о том, что ранее такие попытки не предпринимались отечественными и зарубежными обществоведами. Естественно они были. Причем достаточно удачные, но зачастую они или игнорировались научным сообществом, или заглушались громким хором либералов-рыночников. В связи с этим, по нашему мнению, существует гносеологическая необходимость в рамках этого исследования сделать ряд замечаний, поясняющий наши взгляды на рынок как на один из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей - снижать транзакционные издержки. Такой подход должен позволить объективно (без вне исторической морализации) рассмотреть границы целесообразного применения рыночного инструментария в экономической системе общества во взаимосвязке с глобальными и национальными цивилизационными тенденциями, институциональной матрицей, материально-технологической средой, экологическим императивом, балансом социально-классовых интересов, социальным капиталом и формами его капитализации. Следует согласиться с мнением А.Л. Подгайского, представителя цивилизационного подхода в белорусской политической экономии, ко-

торый, придерживаясь научной традиции «Данилевского-Леви-Строса», трактующей социальное развитие как нелинейный и поливариативный процесс, отметил, что «смысл прогресса в рамках этой традиции (традиции «Данилевского-Леви-Строса» – С.С.) заключается не в нарастающем универсализме исторического процесса, а в умножении разнообразия социальных форм бытия, в позитивных результатах взаимодействия» [27, с. 8]. При этом необходимо учитывать, что «...ни синергетика, ни цивилизационный подход не отрицают эвристического потенциала исследования общих тенденций, определяющих «лицо» человечества в целом. Но оба направления далеки от того, чтобы признавать за выводами таких исследований абсолютно значимый характер. Они настаивают лишь на универсальности общих принципов самоорганизации социальных систем. Отвергая представления об обществе как некотором однородном континууме, эти направления рассматривают в качестве истинных субъектов истории все многообразие социальных формирований между обществом и индивидом. Речь идет о том, что универсальные закономерности и черты социально-экономического прогресса в целом находят различное преломление в непреходящем разнообразии социально-экономической действительности» [27, с. 8-9].

Если исходить из критериев логичности и аргументированности участников дискуссии о коренных методологических пороках маржинализма, неоклассики и т.д., то доказательств этому предостаточно. Вместе с тем, неправомочно сводить все дискуссии о природе рыночных отношений лишь к поиску научной истины. Ученые экономисты тоже люди. Они родились и воспитывались в определенной социально-культурной среде, обладают мотивацией, различными потребностями и интересами, наконец, их исследования финансируются из различных источников (а у субъектов, которые их контролируют есть вполне реальные экономические потребности и интересы) и т.д. Таким образом, по нашему мнению, научное сообщество фаталистически обречено не только на постоянный поиск объективных закономерностей развития общества и его экономической системы, но и на выделение «ложных» концепций и преднамеренных концептуальных упрощений, обслуживающих глобальные экономические интересы вполне конкретных государств, классов, социально-экономических групп и индивидов. В рамках заявленной темы исследования нам не важно случайно или целенаправленно возникли и развиваются социальные парадигмы, относимые сегодня к «экономическому империализму» [28]. Для нас важнее то, что эти теоретико-методологические подходы, например, сводящие экономические функции государства к роли «ночного сторожа», деформируют сознание части научного и научно-педагогического сообще-

ства, понижают доверие к белорусской модели развития, снижают социальный потенциал белорусского общества, т.е. понижают продукционный эффект от социального капитала, накопленного на уровне социума, а значит угрожают экономической безопасности страны.

Возможности такого рода обманов во многом обусловлена спецификой нашей эпохи (эпохи всеобщего обмана [29, с. 16]), когда возможности манипулирования сознанием миллионов людей (благодаря современной информационной технике) оказались беспрецедентными и есть все основания говорить даже об информационном сетевом закабалении мира [30, с. 5]. Как справедливо замечает Ч.С. Кирвель: «...ныне утвердились технологии «промывания мозгов» с целью формирования нужного типа сознания, ценностных установок и стереотипов поведения людей. И все это происходит на глобальном уровне. Возникли глобальные информационные поля, способные действовать на сознание людей поверх государственных границ, создавать возможность манипуляции человеческим сознанием в планетарном масштабе. Следствия всего этого крайне прискорбны. <...> На земле сейчас живут более шести миллиардов человек, а возможность реализовать потребительский образ жизни имеет всего лишь один миллиард, так называемый «золотой миллиард», и то с большими оговорками, а для остальной части человечества «полное удовлетворение всех материальных потребностей» в принципе не реализуемо не только сегодня, но даже в самой отдаленной перспективе. Однако СМИ современных богатых стран, прежде всего США во всю горизонталь разрекламировали... свой образ жизни. В результате теперь все недовольны своей жизнью, все оторвались от родной почвы и возненавидели ее, все хотят жить, как в Европе <...> Оторванность от своей почвы, от традиционного уклада жизни оборачивается потерей привычной гармонии, жгучей неудовлетворенностью, фрустрациями, Неврозами, наркоманией, преступностью терроризмом, наконец, самоубийством. В сущности, все это можно определить как аксиологическую катастрофу, болезненнейший слом ценностных установок и традиций, утрату вечных ценностей. Последствия этой катастрофы могут быть непредсказуемо опасны. <...> Если проанализировать весь массив «культурного» импорта из западных стран нашими СМИ, то можно заметить, что заимствуются в основном худшие образцы и продукты декаданса» [29, с. 16-17]. Такого рода «культурный обмен» предопределен не только чьей то злой волей, хотя это тоже имеет место (уж очень заманчиво Западу получить дополнительные конкурентные преимущества в планетарной борьбе за все виды ресурсов путем снижения социального потенциала в странах – объектах их политико-экономических интересов), но и в «...некоторых специфических закономерностях межкультурного об-

мена: культуры обмениваются информацией, заложенной в их верхних пластах; более глубинные пласты, относящиеся к сфере архетипов сознания, в том числе и коллективного бессознательного, практически не передаются, не вербализуются посредством СМИ. Поэтому все касающееся реальных предпосылок богатства и процветания евро-американской цивилизации, остается скрытым от взора и слуха телезрителя и радиослушателя. Воспринимается только ее внешний результат. В итоге получается следующее: доверчивые западники твердят о необходимости перенести на свою почву все, что относится к внешним результатам цивилизационного развития Запада, нимало не задумываясь ни о реальных путях, ведущих к этому результату, ни о том, возможно ли его повторить в иных исторических и географических условиях» [29, с. 16]. Само по себе это не удивительно: психология человека, не владеющего системным научным мышлением, такова, что он подсознательно начитает поклоняться, пытается слепо копировать (не понимая сущности этих процессов) внешние атрибуты более развитой экономической системы.

Во время Второй Мировой войны и сразу после нее на островах Тихого океана распространился культ карго. Для снабжения воюющей американской армии военно-транспортной авиацией туда было десантировано огромное количество грузов. Это внесло коренные изменения в жизнь островитян, поскольку огромное количество промышленных товаров (одежда, обувь, консервы, палатки, оружие и т.д.) тем или иным путем попадали к туземцам. Когда в конце войны воздушные базы были заброшены, а груз («карго») больше не прибывал, туземцы не захотели мириться с резким снижением уровня и качества потребления, к которому к тому времени уже привыкли. Опираясь на свои представления о происхождении материального богатства и жизненный опыт, островитяне начали предпринимать действия для того, чтобы получить товары и увидеть падающие парашюты, прилетающие самолеты... Каковы же были эти действия? Разумеется, самые очевидные с точки зрения аборигенов. Они построили в натуральную величину из дерева и травы взлетно-посадочные полосы, контрольно-диспетчерские вышки, разводили костры и прикладывали к ушам наушники из дерева, призывая груз («карго»). Но божественные самолеты не прилетали, и грузы с неба не падали. Тогда туземцы, проявив последовательность, достойную лучшего применения, полностью отказались от своих прежних религиозных воззрений, существовавших до войны, и стали более тщательно поклоняться аэродромам и самолетам. Со временем распространение культа карго сократилось, но некоторые аборигены ждут божественных товаров и сегодня, продолжая поклоняться деревянным самолетам и посадочным полосам. Смешно? Да не очень, поскольку если заменить

термин «карго» на «саморегулирующийся рынок», полуголого жреца – на либерально мыслящего интеллектуала рыночника, а острова Тихого океана на постсоветское пространство 90-х и 2000-х годов, то становится не до смеха. Поскольку, если в первом случае приверженцы культа обычно не понимают в полной мере значимость производства или коммерции и их понятия о современном обществе, религии и экономике могут быть частичными и фрагментарными [30], то во втором – наблюдается то же самое упрощенное представление о процессах, происходящих в современной рыночной и пострыночной экономике.

Очень похожая ситуация просматривается сегодня и в экономической науке, когда некоторая часть научного сообщества убеждена в том, что применение тех или иных экономических теорий и практик, доказавших свою состоятельность 20, 30, 50 и более лет тому назад, позволит решить сегодняшние непростые проблемы. При этом не так уж и важно, что именно предлагается взять за основу: кейнсианские механизмы преодоления экономического кризиса, ордолиберальную политику ФРГ или экономические реформы Г.К. Орджоникидзе и А.Н. Косыгина в СССР. Важно то, что все эти экономические инструменты были эффективны лишь в свое время, в уникальном цивилизационном и историческом контексте. Прошедшие десятилетия, а иногда и века, за счет аберрации дальности естественным образом упростили наше представление о реформах, превратив их из живого, постоянно меняющегося процесса, в мертвую схему. В результате, как метко заметил в свое время А.А. Галич: «Сложные проблемы всегда имеют простые, легкие для понимания неправильные решения». А мировая и национальная экономика, как известно, это живые и очень быстро эволюционирующие системы.

Чтобы разобраться в политико-экономических и гносеологических причинах возможности таких методов межстрановой конкуренции, необходимо, прежде всего, понять: как же возник в обществоведении «экономический империализм»?

В 1960-1970-е годы идеальной рыночной модели, очищенной от каких-либо социальных факторов был придан фактически универсальный характер. «С ее помощью, – отмечает В.В. Радаев, – стали объяснять самые разные типы существующих рынков вне зависимости от исторической и культурной специфики хозяйства и общества» [32, с. 28-37]. Г. Беккер и его последователи в рамках «экономического империализма» начинают активно использовать данную модель за пределами анализа собственно экономических отношений в их былом понимании [28, с. 177-189; 33, с. 395-396; 34, с. 12-36; 35, с. 37-49]. Поскольку принцип универсализма не отвечает ни принципам современных системных исследований социальных объектов, ни историческим реалиям, то мы в своих дальнейших исследованиях

будем исходить из взгляда на современные системы хозяйствования как на многоукладные, сочетающие в себе универсальные и национальные особенности. «История свидетельствует, – отмечает А.Л. Подгайский, – что ни одна хозяйственная система, в том числе, и всемирное индустриально-капиталистическое хозяйство, никогда не охватывала не только все страны, но и отрасли экономики отдельной страны. Любое доминирование той или иной хозяйственной системы воплощается в действительности в асимметричном образовании «центр-периферия» с наличием множества метапозиций между крайними точками» [27, с. 9].

В настоящее время в различного рода литературных источниках и электронных СМИ происходит лавинообразный рост диаметрально противоположных суждений как о перспективах развития мировой и национальных экономик, так и о том, какие формы хозяйственного регулирования экономически эффективны. В результате терминологической путаницы, отсутствия категориальной определенности, в последние десятилетия в мире наблюдается увеличение отрыва экономических практик от их теоретического осмысления. Конечно, экономической науке не следует забегать вперед с поспешными прогнозами, как и отставать от требований времени, чтобы грядущие события не оказались неожиданными. Поэтому, уже сегодня возникает насущная необходимость выявить и спрогнозировать те процессы и явления, которые характеризуют современную экономику. Решение этой задачи требует ревизии методологических основ исследования процессов хозяйствования. И начинать надо с уточнения объекта экономической науки.

Экономика в последние десятилетия претерпела небывалые изменения, которые радикальным образом изменили ее объект. Сегодня рыночный, административно-командный и иные способы организации экономической жизни правомерно рассматривать как специфические уклады хозяйствования, сосуществующие наряду с другими их формами. В идеале, в зависимости от того, какая из форм хозяйствования на том или ином историческом этапе обеспечивала общество необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами, та и преобладала. Экономика, как правило, была и остается многоукладной. При этом, например, рынок выступал одним из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей, – снижать трансакционные издержки.

Что же характерно для современного экономически развитого общества – постиндустриального, сверхиндустриального, информационного, пострыночного, посткапиталистического и т.д.? Во-первых, изменение характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инно-

вазии. Во-вторых, переход роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг. В-третьих, в формирование принципиально новых глобальных финансов, которые выходят за рамки своей традиционной функциональной роли в экономической системе общества и существуют достаточно изолированно от процессов, происходящих в реальном секторе экономики. Разве не о таком разрыве французский социолог Ж. Бодрийяр в свое время писал: «Весьма любопытной чертой, связанной с крахом на Уолл-стрит в 1987 году, является неуверенность в том, имела ли на самом деле место настоящая катастрофа и ожидается ли таковая в будущем. Правильный ответ – нет, реальной катастрофы не будет, поскольку мы живем под знаком катастрофы виртуальной. В этом контексте красноречиво проявляется несоответствие между фиктивной экономикой и экономикой реальной. Именно этот диссонанс и защищает нас от реальной катастрофы производительной экономики» [36, с.40]. Далее он добавляет, что «деньги вращаются в недоступном пространстве, которое оставляет мир таким, какой он есть. В конечном итоге, экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить (не забудем, что сегодня объем товарооборота в 45 раз уступает объему перелива капитала)». [36, с.42] В-четвертых, для современного экономически развитого общества характерно также в возрастание роли общественно-функциональных инноваций. С расширением применения общественно-функциональных технологий для принуждения акторов к желательному для Манипулятора поведению, посредством целенаправленной подачи информации в интернете и традиционных СМИ, значительно искажается восприятие субъектами своих потребностей и интересов. «Любая коммуникация (в информационном обществе – С.С.), – пишет по этому поводу Ж. Бодрийяр, – по сути есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вожделением ждем изображения». [36, с.22] В-пятых, наше общество характеризуется значительным изменением роли и функций информации в хозяйственной жизни, увеличением значения знаний для развития экономики. С другой стороны в современную эпоху информация, постоянно воспроизводящаяся и катастрофически разрастающаяся в Интернете, приходит в свою противоположность. «Избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим» [36, с.21]. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что «написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечто, подобное казни на

электрическом стуле» [36, с. 49]. В данном случае речь идет по существу об использовании невероятно большого объема информационных сообщений не для получения или трансляции новых знаний, а как важного инструмента современных информационных войн. Причем последние сегодня ведутся не только между государствами и политическими партиями, но и между многочисленными классами, и даже отдельными коммерческими организациями. Вместе с тем, эта лавина интернет-информации слабо пересекается с теми знаниями, технологическими решениями, в которых сегодня как никогда нуждаются реальный сектор экономики и сфера услуг.

Под воздействием принципиально новых явлений в хозяйственной деятельности экономическая система общества радикально изменилась, невероятно усложнившись. Для современной экономической науки зачастую характерен недоучет влияния внешних, в том числе и неэкономических, факторов, которые могут кардинальным образом воздействовать (что и происходит в современном глобальном мире) на классическое протекание экономических циклов, быстро разрушая привычное течение хозяйственной жизни в обществе, изменяя объект экономической науки. О чем свидетельствуют развернутые дискуссии у нас в стране и за рубежом об объекте, предмете, задачах и возможностях этой науки. Надо сказать, что среди экономистов в последние годы становятся нередкими предложения вообще отказаться от использования математических моделей при исследовании национальной экономики. Но у данной идеи пока много оппонентов. Так, к примеру, противоположного мнения придерживается профессор Колумбийского университета М. Вудфорд, Ученый не считает, что на пути к более надежным экономическим рассуждениям следует отказаться от привычки экономистов использовать модели [37, с.14]. На необходимость существенного повышения качества которых, к слову, обращает внимание и американский исследователь Д. Кей. Он считает, что экономисты сегодня слишком часто прибегают к некачественным моделям [38].

Действительно, если исходить из некоторых экономико-математических моделей (в данном случае имеются в виду те расчеты, в основе которых лежат излишне упрощенные, а иногда и преднамеренно ложные вводные [39, с.190-191]) или теоретических построений сторонников либерального направления экономической мысли, то можно сделать ложный вывод, что снятие барьеров на допуск на внутренний рынок зарубежных инвестиций, всегда благо для экономики. На самом деле это умозаключение в корне неверно, и даже вредно, так как для любой национальной экономики может иметь катастрофические последствия моментальное проникновение в нее глобальных, спекулятивных в своей основе, финансов. Ж. Бодрийяр был прав, что

«надежда примирить фиктивную экономику с реальной утопична: эта свободно обращающиеся миллиарды долларов невозможно переместить в реальную экономику, что, впрочем, является большой удачей, ибо если бы каким-то чудом они оказались вложены в производство, это стало бы настоящей катастрофой» [36, с.43].

Сегодня в нашей стране существуют и активно развиваются несколько научных экономических школ и направлений. Между ними ведется активная дискуссия, отражающая широкий спектр взглядов на экономические явления, объект и предмет экономической теории и частных экономических наук. Белорусская наука усилиями этих ученых не только не выпала из мирового информационного пространства, но и вносит заметный вклад в мировую науку.

Естественно, что взгляды белорусских исследователей на современную экономическую науку, ее предмет и инструменты различны. Это проистекает как из того, к какому научному направлению принадлежит тот или иной ученый, а также из его личного житейского опыта, мировоззрения и целей, которые он преследует.

В свое время Р. Фейнман в своей речи, произнесенной в Калифорнийском технологическом институте заметил, что как самолетопоклонники (сторонники культа карго – С.С.) воссоздают облик аэродрома, вплоть до наушников с «антеннами» из бамбуковых палочек, но самолеты при этом не садятся, так и некоторые ученые часто проводят исследования, имеющие все внешние атрибуты настоящей науки, но в действительности составляющие псевдонауку [30], Неким околонучным экзерсисом воспринимается, на наш взгляд, статья кандидата экономических наук П.Н. Пекутько «Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация», опубликованная в Вестнике БГЭУ №1 в 2015 г. Если исходить из того, что специализация в науке – это исторически определенная качественная дифференциация научной деятельности, обусловленная ее функциями, то становится очевидным, что в самом названии темы статьи кроется научная тавтология.

В своей статье П.Н. Пекутько пишет: «Рассматривая белорусскую экономическую науку через призму субъектного состава, предметной исследовательской направленности или используемой методологии, на наш взгляд, можно вести речь о существовании в ней различных экономических школ». [40, с.15] Автором также дается определение научной школы, «применительно к белорусской экономической науке» [40, с.15], под которой понимается «исследовательская организация, обладающая достаточно многочисленным (не менее пятидесяти сотрудников) устойчивым научным коллективом, разрабатывающая собственную исследовательскую программу и сформировавшая стабильную си-

стему внутреннего воспроизводства научного потенциала и передачи знаний». [40, с.16] Исходя из данного определения, выходит, что белорусская экономическая наука настолько специфична, что необходимо определять ее научные школы не так как в других странах? Но почему это так, ответы, к сожалению, автором в статье не приводятся.

В то же время он вскользь отмечает, что избранный им «в работе подход к определению белорусских научных экономических школ не является единственно возможным» [40, с.15]. При этом ссылаясь на свою же работу в соавторстве с А.В. Марковым.[41] Отметим, что А.В. Марков известен в научных кругах своими «оригинальными» идеями о переносе научных исследований за рубеж: «Весьма перспективным для страны, по нашему мнению, может стать экспорт (перенос) научных исследований в экономические регионы мира, являющиеся наиболее продвинутыми в научном обеспечении (обосновании), направлений инновационного развития, относящихся к числу национальных научно-технических приоритетов». Очевидно, что реализация такого подхода, идущего вразрез с глобальными цивилизационными тенденциями, на практике неизбежно приведет к исчезновению в Республике Беларусь многих научных традиций, сокращению экспортного потенциала белорусской науки, а в перспективе к вытеснению к нам из других стран низкоинтеллектуального труда. Комментарии, как говорится, излишни.

Внимательно прочитав статью П.Н. Пекутько можно обнаружить и другие противоречия. На наш взгляд, логика поведения этого автора, если судить по его публикации, очень схожа с мотивацией приверженцев культа карго, в основе которого – желание что-то получить без серьезных усилий. Своей «научной» статьей он словно иллюстрирует идею Р. Фейнмана о «самолетопоклонниках» в науке.

Разнообразие теоретических взглядов и используемой методологии в целом полезно для любой науки. Не является исключением и экономическая наука. Но эта польза сохраняется лишь до тех пор, пока мы имеем дело с грамотными специалистами. Дж. Кейнс в свое время сказал: «Если мне докажут, что моя точка зрения не верна, я ее поменяю». По существу это императив поведения настоящего ученого. Нельзя быть правым во всем и всегда, как не всегда удастся без посторонней помощи разобраться в своих просчетах и ошибках. В этом плане нет ничего более полезного для добросовестного исследователя, чем замечания компетентных критиков. Исходя из этой точки зрения, следует приветствовать науковедческие исследования, которые всегда выступали, и будут выступать базой соотношения различных научных школ и направлений. Конечно же, если эти исследования осуществлены на основе соблюдения общенаучных методов и в целях служения истине, а не личным амбициям.

Преодоление кризиса экономической мысли и самой экономики, как справедливо отмечают белорусские экономисты П.С. Лемещенко и И.А. Лаврухина, – поставило перед экономической наукой три группы задач:

- парадигмальное обновление;
- выбор типа хозяйственного порядка и модели экономики, к которой мы хотим прийти;
- разработка конкретных форм хозяйственной деятельности, соответствующих выбранному типу хозяйственного порядка [42, с.34].

Определенный прогресс в решении этих задач существует. Но, как констатируют вышеупомянутые авторы, – «это не предотвратило снижения общетеоретического уровня национальной экономической науки. И проявилось в предметно-методологической неопределенности, нарушении алгоритма исследования, размытости выводов, а также в преобладающем использовании интуитивно-описательного метода [42, с.35].

Добавим, что снижение общетеоретического уровня национальной экономической науки всегда опасно, поскольку не только повышает риски принятия неправильных решений в практике хозяйствования на национальном и отраслевом уровнях, но и перестает выполнять важнейшую идеологическую функцию фундаментальной экономической науки (политической экономии). По моему глубокому убеждению, без выработки позитивной экономической идеологии, которая неразрывно связана с пониманием места Беларуси в мировой экономике, преимуществ нашей модели развития и социального характера хозяйственной деятельности, невозможно будет успешно противостоять информационным атакам извне, которые по мере распространения и совершенствования информационного оружия будут только усиливаться. Сегодня можно с уверенностью сказать: хочешь жить в мире и достатке – готовься к информационной войне.

Следует подчеркнуть, что гносеологический кризис в отечественной экономической науке по времени совпал с глобальным изменением объекта экономической науки и расширение постриночного хозяйственного уклада в экономически развитых странах. На смену классической рыночной экономике, где предприниматель ориентировался на увеличение прибыли, быстро пришла экономика, где вместо этого показателя, определяющим становится капитализация активов (роста цены акций и других ценных бумаг), в результате ускоряется рост фиктивной экономики и происходит ее отрыв от экономики реальной. В свою очередь капитализация активов во многом начинает зависеть от мнения различных рейтинговых агентств и экспертов, и уже нельзя понять, что первично в этой безудержной гонке: сама предшествующая капитализация (когда непрофессиональные участники рынка формируют спрос на ценные бумаги для самих себя), рейтинги и экс-

пертные мнения, или же все-таки реальная экономика? Как результат, перед белорусской наукой встает задача ответить на новые вызовы, когда мы еще не успели определиться с тем, как отвечать на все старые. Архисложная задача. Но, на наш взгляд, выполнимая. Но для этого надо, чтобы в экономической науке стало недопустимым не соблюдение базовых общенаучных и политэкономических принципов.

Почему я с оптимизмом смотрю на будущее белорусской науки? Потому что у нас уже сегодня существует значительные научный задел, продолжают функционировать и развивать многие научные школы и направления, появляются и набирают силу новые школы.

Одним из важных дополнительных резервов, направлений развития белорусской экономической науки, сегодня может стать:

- проведение совместных научных исследований и разработок;
- инжиниринг;
- приобретение патентов, лицензий и приглашение зарубежных экспертов;

– персональный контакт белорусских ученых с зарубежными разработчиками на международных научных и научно-практических конференциях, семинарах, выставках, ярмарках, в интернете. Отметим, что при поддержке участия белорусских ученых в международных конференциях, необходимо применять дифференцированный подход, основанный на объективных и прозрачных критериях. Например, если у исследователя (за исключением молодежи до 30 лет) за последние три года менее 5 статей в рецензируемых научных журналах и одной монографии, то не следует тратить деньги на выезд его на зарубежные симпозиумы. При этом все статьи в обязательном порядке должны проверяться через систему анти-плагиат.

Чтобы задействованные дополнительные резервы для поддержки развития белорусской экономической науки были экономически эффективны, необходимо также ввести регулярную (раз в 3 года) аттестацию экспертов с выдачей соответствующего сертификата.

Для усиления продукционного эффекта рыночной системы Беларуси за счет наращивания и оптимизации использования институционального и социального потенциала необходимо формировать новую нравственную социально-экономическую культуру путем:

конфигурирования процесса организации неформальных объединений в виде деловых сетей, функционирование которых основано на высокой степени взаимного доверия, постоянных взаимных услугах, негласных договорах, которые лишь отчасти отражаются в формальных договорах, дополняя их. Экономический эффект от социального капитала в данном случае заключается в формировании этики

внутрисетевых отношений, позволяющей оказывать широкий спектр неформальных услуг «для своих»: скидки, задержки оплаты, кредиты под низкий процент, вето на использование кабальных условий, запрет на применение силы при решении хозяйственных споров и т.д. В данном случае дополнение юридических (формальных) отношений межличностной системой взаимопомощи, основанной на общих этических принципах, позволяет повысить уровень экономической безопасности бизнеса, т.к. является действенным способом снижения рыночных рисков и нестабильности, катализатором деловой активности;

совершенствование социально-экономических механизмов получения и использования информации хозяйственными субъектами за счет социального капитала как способа экономии транзакционных издержек. Неравномерность в распределении информации и, соответственно, неполнота обладания ею является важным атрибутом экономической системы общества. Социальный капитал позволяет индивиду получить недостающую информацию путем обмена между участниками соответствующих социальных сетей. Таким образом удастся с наименьшими издержками уменьшить негативные хозяйственные последствия от асимметричности распределения информации и таким образом повысить безопасность экономических систем различной степени интегрированности;

формирование новых посткапиталистических финансовых отношений на основе нравственных (в том числе и религиозных) принципов. В случае, если кредитные отношения внутри сообщества обладающего достаточным для этого социальным капиталом, строятся на оптимальном сочетании формальных и неформальных финансовых институтов, подкрепленных едиными моральными позициями, то они становятся более конкурентными чем формальные финансовые институты, работающие в рамках классического капиталистического хозяйственного уклада. В первом случае расширяется ресурсная база кредитования, облегчается получение кредитов, когда залогом выступают не только (и не столько) материальные ресурсы, а доверие, т.е. социальный потенциал кредитополучателя. Сегодня примером такой эффективной системы кредитования может служить исламский банкинг. Становление новых посткапиталистических (нравственных) финансово-кредитных отношений может стать важным фактором обеспечения экономической безопасности как за счет роста устойчивости национальных кредитных институтов в условиях глобального финансового кризиса, так и за счет расширения возможных потребителей кредитных ресурсов - основы для роста внутреннего спроса и расширения экспортного потенциала. В качестве одного из первых шагов в этом направлении может стать, например, создание христианских и исламских банков;

внедрения новых посткапиталистических механизмов конфигурации управления персоналом (в хозяйственных субъектах и государственных учреждениях) на основе широкого использования социального капитала, накопленного как на уровне общества, так и на уровне экономических субъектов. Так, если на стадии поиска работы социальный капитал позволяет минимизировать асимметрию информации на рынке труда (т.е. снижает индивидуальные транзакционные издержки), то после трудоустройства социальные связи работника являются дополнительным ресурсом (социальным капиталом) для организации. Для самого работника использование возможных социальных сетей создает условия для повышения его индивидуального социального потенциала, в том числе и за счет ресурсов организации в которой он трудится. Последнее выступает фактором повышения индивидуального профессионализма и дальнейшего карьерного роста. В современных условиях хозяйствования этого однако не достаточно для укрепления экономической безопасности страны. Необходимо, чтобы при использовании работником социального капитала и его накоплении перманентно присутствовал «нравственный фильтр», ограничивающий пределы возможного эгонального поведения;

усиление субстационарно-гносеологической, идеологической и реально-онтологической функций белорусской общественной науки; наращивание социального капитала науки и на этой основе завершения формирования социально-научного сообщества.

Литература

1. **Клягин Н.В.** Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). Москва: Институт философии РАН, 1996. 148 с.
2. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика. Москва, 1974. 452 с.
3. **Афанасьев Ю.Н.** Понятие «цивилизация» во французской историографии // Цивилизация и исторический процесс. Москва, 1983. 182 с.
4. **Gabori M.** La civilisations du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural: Esquisse historique. Budapest, 1976. 234 p.
5. **Большой энциклопедический словарь:** философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. Минск: МФЦП, 2002. 1007 с.
6. **Морган Л.Г.** Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. 1934. 132 с.
7. **Тронский И.М.** Очерки из истории латинского языка. 1953. 367 с.
8. **Степин В.С.** Культура / Всемирная энциклопедия: философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. 543 с.
9. **Кирдина С.Г.** Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. 308 с.
10. **Маслоу А.** Новые рубежи человеческой природы. Москва: Смысл, 1999. 189 с.
11. **Герасимов**

- Н.В.** Экономическая система общества: генезис, структура, развитие. Минск: Наука и техника, 1991. 180 с. 12. **Солодовников С.Ю.** Экономическая обусловленность эволюции социально-классовой структуры общества переходного периода. Минск: БГЭУ, 1999. 150 с. 13. **Солодовников С.Ю.** Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика. Минск: Право и экономика, 2003. 274 с. 14. **Солодовников С.Ю.** Социальный потенциал Республики Беларусь: теория, методология, практика. Минск: Беларус. навука, 2009. 303 с. 15. **Современная** социологическая динамика Республики Беларусь в контексте экономической безопасности / С.Ю. Солодовников [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2009. 503 с. 16. **Никитенко П.Г., Солодовников С.Ю.** Социодинамика Беларуси, России и Украины: политико-экономический аспект. Минск: Беларус. навука, 2010. 557 с. 17. **Дюркгейм, Э.** Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – Москва: Канон, 1995. – 325 с. 18. **Селигмен Б.** Основные течения современной экономической мысли. Москва: Прогресс, 1968. 298 с. 19. **Веблен Т.** Теория праздного класса. Москва: Прогресс, 1984. 376 с. 20. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Начала, 1997. 238 с. 21. **Современная** западная социология, 1990. 467 с. 22. **Тамбовцев В.Л.** Экономическая политика для российской экономики. *Общество и экономика*. 1996. № 5. 23. **Тамбовцев В.Л.** Институциональные изменения в российской экономике. *Общественные науки и современность*. 1999. № 4. 24. **Veblen T.** Theory of the Leisure class. N.-Y. 1899. 25. **Солодовников С.Ю., Черныш С.Л.** Мозговые центры Запада. *Наш современник*. 2008. №12. 26. **Бессонова О.Э., Кирдина С. Г., О'Салливан Р.** Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996. 27. **Подгайский А.Л.** Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики. *Гуманитарно-экономічний вісник*. 2008. № 3 (42). 28. **Радаев В.В.** К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / *Социологические чтения*. Вып. 2. М.: Институт «Открытое общество»: Институт социологии РАН, 1997. 29. **Современные** глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: моногр. / Ч.С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч.С. Кирвеля. 2-е изд., перераб. и доп. Гродно: ГрГУ, 2009. 30. **Карго-культ**. 2003. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Карго-культ>. Дата доступа: 07.10.2015 г. 31. **Мясникова Л.А.** Экономика постмодерна и отношения собственности. *Вопросы философии*. 2002. № 7. 32. **Радаев В.В.** Рынок как объект социологического исследования. *Социологические исследования*. 1999. № 3. 33. **Беккер Г.** Выбор партнера на брачных рынках. *THESIS*. 1994. Вып. 6. 34. **Becker G.** Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior. *Journal of Political Economy*. 1993. Vol. 101. 35. **Шульц Т.** Ценность детей. *THESIS*. 1994. Вып. 6. 36. **Бодрийяр Ж.** Прозрачность зла. 5-е изд. Москва: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. 260 с. (С. 40). 37. **Вудфорд М.** Что не так с экономическими моделями (Ответ Джону Кэю). *Вопросы экономики*. 2012. № 5. С.14. 38. **Woodford V.** What's Wrong With Economic Models? A Response to John Kay. URL: ineteconomics.org/blog/inet/michael-woodford-response-john-kay. 2011. 39. **Перкинс Джон.** Исповедь экономического убийцы. Предисловие, научная редакция д.э.н., проф. Л.Л. Фитуни. Москва: Претекст, 2007. С. 190-191. 40. **Пекутько П.Н.** Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация. *Вестник БГЭУ*. 2015. №1. С. 15. 41. **Марков А.В., Пекутько П.Н.** Институт экономики Национальной академии наук / Отделение гуманитарных наук искусств Национальной академии наук Беларуси. Минск: Белорусская наука, 2011. 42. **Лемещенко П.С., Лаврухина И.А.** Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика»*. 2013. Вып. 1(19). С. 34.

Стаття надійшла до редакції 10.11.2017

Прийнято до друку 30.01.2018